

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО БАЛИЦКОГО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 12793/03)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

3 ноября 2011 года

Решение примет статус окончательного на основании § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть направлено на дополнительное рассмотрение.

По делу Балицкого против Украины,
Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), на заседании
Палаты в составе:

Dean Spielmann, *председателя,*
Elisabet Fura,
Karel Jungwiert,
Mark Villiger,
Isabelle Berro-Lefèvre,
Ann Power-Forde,
Ganna Yudkivska, *судей,*

и г-жи Claudia Westerdiek, *секретаря секции,*
заседая за закрытыми дверями 11 октября 2011 года,
вынес в тот же день следующее решение:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 12793/03), поданному против Украины в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции) гражданином Украины г-ном Андреем Владимировичем Балицким (далее – заявитель) 18 марта 2003 года.

2. Интересы заявителя представляли г-н В.И. Олевский и г-н А.П. Бущенко, адвокаты, практикующие в г. Харьков. Правительство Украины (далее – Правительство) представлял ее уполномоченный, г-н Ю. Зайцев, из Министерства юстиции Украины

3. Заявитель жаловался на то, что он был осужден на основании самоизобличающих показаний, полученных под принуждением и в отсутствие адвоката, а также на отказ суда допросить важных свидетелей.

4. 3 сентября 2009 года Председатель Пятой секции решил передать жалобу на коммуникацию с Правительством. Он также решил рассмотреть вопросы приемлемости и существования жалобы одновременно (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1979 году и живет в Харькове.

6. 9 мая 1998 года прокуратура Фрунзенского района г. Харькова возбудила уголовное дело по факту убийства г-на Т.

7. В тот же день заявитель был арестован сотрудниками милиции за хулиганство и доставлен в отделение милиции. По словам заявителя, сотрудники милиции несколько раз били его с целью получить признание в убийстве г-на Т., с которым он проживал в одном доме.

8. 11 мая 1998 года заявитель предстал перед Фрунзенским районным судом. Суд признал его виновным в совершении 9 мая 1998 года в 13-00 административного правонарушения (хулиганства) и назначил взыскание в виде 15 дней ареста. Заявитель был возвращен в отделение милиции, где, с его слов, вновь подвергнулся плохому обращению со стороны сотрудников милиции. В тот же день он был допрошен в качестве свидетеля по делу об убийстве г-на Т.

9. 12 мая 1998 года заявитель признался в совершении убийства и кражи. С 18-45 по 20-00 он был допрошен в качестве подозреваемого по делу об убийстве г-на Т. В 21-00 он был взят под стражу в качестве подозреваемого. Заявитель также подписал отказ от адвоката, мотивируя его тем, что он не нуждается в юридической помощи и решит вопрос о своей защите позднее.

10. 13 мая 1998 года заявителю провели медицинское обследование. В своем заключении от 14 мая 1998 года медицинский эксперт отметил, что у заявителя имеются ссадины на запястьях, которые могли быть причинены наручниками. У него также были выявлены ссадины на левом локте, одна ссадина в нижней части живота и одна ссадина на ноге. Согласно заключению эксперта, заявитель утверждал, что сотрудники милиции не применяли к нему силу и ссадина на его животе образовалась в следствии его падения в гараже за две недели до обследования. Эксперт пришел к выводу, что ссадины на запястьях могли быть причинены в следствии применения наручников в период от одного до трех дней перед обследованием, а другие повреждения не имеют ничего общего с событиями, указанными в направлении на медицинское освидетельствование

11. 15 мая 1998 года заявителя обвинили в убийстве. Во время допроса заявитель отказался от помощи адвоката Т., которого нанял его отец, и был допрошен в качестве обвиняемого без адвоката.

12. 1 июня 1998 года уголовное дело по обвинению заявителя было передано в прокуратуру Харьковской области для проведения дальнейшего расследования. Через некоторое время заявителю был предоставлен адвокат Г.

13. 22 июня 1998 года заявителя обследовал медицинский эксперт, который установил, что у него было сломано ребро, шрам на голове, три шрама на левой руке, два шрама на правой руке и сломанный зуб. Позднее, вследствие проведения рентгеноскопии было установлено, что ребро заявителя не было сломано.

14. 26 июня 1998 года заявителя обследовал стоматолог, который установил, что зуб заявителя расколот надвое в результате его разрушения.

15. 27 июля следователь переквалифицировал обвинение заявителя на убийство из корыстных побуждений, за которое было предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы и при котором предоставление заявителю адвоката было обязательным.

16. 10 января досудебное следствие было завершено и дело было передано в Харьковский областной суд.

17. 9 сентября 1999 года Харьковский областной суд возвратил дело на дополнительное расследование. Принимая это решение, суд указал на то, что жалобы заявителя на плохое обращение не были надлежащим образом расследованы, время смерти г-на Т., указанное в заключении судебного эксперта, не совпадает с официальной версией милиции. Суд также обозначил, что хотя официально заявитель был задержан в качестве подозреваемого в 21-00 12 мая 1998 года, на самом деле заявитель был задержан 9 мая 1998 года сотрудниками милиции, которые расследовали дело об убийстве г-на Т. Кроме этого, по показаниям свидетелей, задержание заявителя состоялось в 8-00, в то время как сотрудники милиции зафиксировали задержание заявителя за хулиганство в 13-00.

18. 2 ноября 1999 года Верховный Суд оставил в силе решение от 9 сентября 1999 года, внося в него незначительные поправки.

19. 8 февраля 2000 года комиссия судебных экспертов составила дополнительное судебно-медицинское заключение. Комиссия установила, что у заявителя имеются легкие телесные повреждения, которые могли быть причинены наручниками и милицейской дубинкой, не исключается их нанесение в период с 10 по 13 мая. Они отметили, что есть противоречия между результатами рентгеноскопии, но более поздний снимок был сделан в присутствии свидетелей и на нем отсутствуют какие-либо признаки перелома ребер заявителя.

20. В период с февраля 2000 года по июль 2001 года уголовное дело по обвинению заявителя несколько раз передавалось на рассмотрение в Харьковский областной суд и возвращалось судом на дополнительное расследование.

21. 10 июля дело было передано в Сумской областной суд, который принял на себя юрисдикцию по данному делу.

22. Во время изучения материалов дела суд вынес частное постановление, которым приказал прокуратуре провести проверку по фактам плохого обращения, указанным заявителем. 14 декабря 2001 года прокуратура Фрунзенского района вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела относительно сотрудников милиции ввиду недостаточности доказательства преступления. Прокуратура ссылаясь на показания сотрудников милиции, которые

отрицали плохое обращение с заявителем. Заявитель не обжаловал данное решение в суде, но поднял вопрос о плохом обращении во время рассмотрения своего дела.

23. 20 июня 2002 года Сумской областной суд признал заявителя виновным в убийстве и грабеже и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы. Суд основывал свое решение на признательных показаниях заявителя, сделанных им в период с 12 по 15 мая 1998 года, а также других доказательствах, включая показания г-на Ш. и г-на Т., которые видели заявителя на протяжении незначительного времени после убийства. Суд отклонил жалобу заявителя на жестокое обращение с ним как не нашедшую своего подтверждения, и подчеркнул, что заявитель добровольно отказался от своего права на защиту на начальной стадии расследования по делу.

24. Заявитель и его адвокаты обжаловали приговор суда. В своей жалобе, среди прочего, они указывали на то, что суд основывал свое решение на самоизобличающих показаниях заявителя, на нарушение права заявителя на защиту, а также на выборочную оценку доказательств судом. Также они жаловались на то, что суд отказался допросить ряд свидетелей, которые могли бы предоставить информацию, подтверждающую алиби заявителя, или чьи показания были необходимы для определения точного времени, когда они видели заявителя и жертву в день убийства. В частности, некоторые свидетели видели жертву вплоть до 20-00, но они не были допрошены и их показания не включили в материалы дела. Более того, несколько свидетелей видели заявителя возле дома в период с 19-00 по 20-00, когда он заходил и выходил.

25. 22 октября 2002 года Верховный Суд оставил в силе приговор от 20 июня 2002 года. Суд оставил жалобы заявителя без удовлетворения. Суд указал, что время, когда свидетели видели жертву живым, было приблизительным, а убийство, по показаниям заявителя, было совершено очень быстро, буквально за несколько минут. По мнению суда, тот факт, что свидетели, на которых указывал заявитель, не были вызваны и допрошены в суде первой инстанции, не является основанием для отмены приговора, поскольку из показания не опровергали факт совершения убийства заявителем. Что касается признательных показаний заявителя, суд отметил, что получение их во время административного ареста заявителя не является основанием для признания показаний недопустимыми и что не все показания давались заявителем во время административного ареста. Что касается вопроса применения к заявителю незаконных методов со стороны сотрудников милиции во время его первоначального задержания, суд сослался на проведенную по этому поводу прокурорскую проверку.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

26. Применимое национальное законодательство обобщено в решениях по делу *Yaremenko v. Ukraine* (no. 32092/02, §§ 45-53, 12 June 2008) и *Zhoglo v. Ukraine* (no. 17988/02, § 21, 24 April 2008).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

27. Заявитель жаловался на то, что он был осужден на основании самоизобличающих показаний, которые были получены под принуждением и в отсутствие адвоката, а также на то, что суд не допросил важных свидетелей его защиты. Он ссылаясь на положения статьи 6 §§ 1 и 3 (с) и (d) Конвенции, которые предусматривают, насколько это применимо, следующим образом:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое рассмотрение дела ... судом

3. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет как минимум следующие права:

...

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...”

28. Поскольку требования статьи 6 § 3, как обозначено выше, должны рассматриваться как особенные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 § 1, Суд будет рассматривать жалобу с точки зрения этих двух положений в совокупности (см. , среди прочих, *Van Mechelen and Others v. the Netherlands*, 23 April 1997, § 49, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-III).

А. Привилегия против самоизобличения и право на защиту

1. Приемлемость

29. Правительство утверждало, что жалобы заявителя на нарушение его права на защиту и его привилегии против самоизобличения во время следственных действий 12 мая 1998 года несовместимы *ratione materiae* с положениями статьи 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции. Они считали, что уголовный процесс против заявителя начался только поздно вечером в этот день, а до того он не был подозреваемым, а добровольно давал показания об обстоятельствах преступления.

30. Заявитель не согласился. Он сослался на решение Суда по делу *Shabelnik v. Ukraine* (но. 16404/03, § 57, 19 February 2009) и указал, что к нему относились как к подозреваемому в убийстве со времени «административного ареста» 9 мая 1998 года.

31. Суд обращает внимание на то, что похожие возражения Правительства были изучены и отклонены в деле *Shabelnik* (цит. выше, § 57), в котором заявитель находился под контролем милиции по другому поводу в роли свидетеля, и в то же время сознался в убийстве. В этом деле Суд пришел к выводу, что при таких обстоятельствах статья 6 должна была применяться с момента, когда лицо призналось в совершении убийства, а не с момента, когда он был формально обвинен. Суд не видит причин прийти к другому решению в настоящем деле.

32. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что нет иных оснований считать ее неприемлемой. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

33. Заявитель утверждал, что было нарушено его право не свидетельствовать против себя. Он ссылаясь на медицинские документы, подтверждающие, что с ним жестоко обращались и вынудили сознаться, однако эти жалобы не были как следует расследованы. Он также обращал внимание на то, что он был задержан за предполагаемое совершение хулиганства теми же сотрудниками милиции, которые проводили расследование по делу об убийстве Т.

34. Заявитель отмечал, что с 9 мая 1998 года его держали без связи с внешним миром и у него не было практической возможности организовать свое юридическое представительство без содействия со стороны государственных органов. По его словам, отказ от адвоката, подписанный им 12 мая 1998 года, также как и его отказ воспользоваться услугами конкретного адвоката – г-на Т. 15 мая 1998 года (см. пар. 1 и 11 выше) – не могут считаться ясным и

недвусмысленным отказом в значении практики Суда. Более того, его отказ от адвоката не мог быть принят согласно действующему национальному законодательству, поскольку он подозревался в совершении преступления, за которое предусматривалось наказание в виде пожизненного лишения свободы, а поэтому участие адвоката было обязательным. Он добавил, что первоначальная квалификация преступления как менее серьезного была неправильной и органы, расследовавшие дело, были с самого начала осведомлены о том, что убийство было совершено в совокупности с хищением.

35. Правительство утверждало, что нет никаких доказательств тому, что следователь принуждал заявителя сознаться. Они указали, что заявитель изначально был допрошен в качестве свидетеля, поскольку следствие предполагало, что у него есть какая-то информация об убийстве. Также Правительство отметило, что когда заявитель впервые допрашивался в качестве подозреваемого с 21-00 12 мая 1998 года, ему разъяснили право не свидетельствовать против себя.

36. Правительство также отмечает, что заявитель подписал отказ от адвоката во время его допроса 12 и 15 мая 1998 года. Более того, в последнюю дату заявителя представлял адвокат, которого нанял его отец, но заявитель отказался от его помощи во время допроса. Они также подчеркнули, что заявитель никогда не требовал предоставить ему бесплатного адвоката, и ко времени, когда его действия были переквалифицированы на преступление, которое предусматривает обязательное юридическое представительство, у заявителя уже был адвокат.

37. Суд повторяет, что, хоть и не абсолютное, право каждого, кто обвиняется в совершении уголовного преступления, пользоваться помощью адвоката, назначенного официально, когда это необходимо, является одним из фундаментальных признаков справедливого судебного разбирательства (см. *Krombach v. France*, № 29731/96, § 89, ECHR 2001-II). Право на защиту, в принципе, бесповоротно нарушается, когда избобличающие показания, сделанные во время полицейского допроса без доступа к адвокату, используются для осуждения (см. *Salduz v. Turkey* [GC], № 36391/02, § 55, 27 November 2008).

38. В отношении использования или исключения доказательств, полученных с нарушением права сохранять молчание и привилегии от самоизобличения, Суд повторяет, что они являются общепринятыми международными стандартами, которые лежат в основе понятия справедливого разбирательства в значении статьи 6. Суть этих стандартов, *inter alia*, состоит в том, чтобы гарантировать обвиняемому защиту от неправомерного принуждения со стороны властей и, таким образом, содействовать исключению судебных

ошибок и выполнению целей статьи 6. Право не свидетельствовать против себя, кроме всего прочего, предусматривает, что обвинение в уголовном деле старается доказать вину обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным с использованием методов принуждения или притеснения вопреки воле обвиняемого (см. *Shabelnik* выше, § 55, с дальнейшими ссылками).

39. Суд отмечает, что изначальный административный арест заявителя был произведен при сомнительных обстоятельствах, поскольку он был задержан теми же сотрудниками милиции, которые расследовали убийство г-на Т., и поскольку он якобы совершил административное правонарушение через несколько часов после задержания (см. § 17). Во время задержания заявитель был допрошен в связи с убийством г-на Т. и дал самоизобличающие показания в отсутствие адвоката и в обстоятельствах, которые дают основание подозревать, что показания были даны заявителем против его воли. Более того, отказ от права на адвоката, подписанный заявителем при таких же обстоятельствах, не может быть признан ясным и недвусмысленным.

40. Суд также отмечает довод заявителя о том, что первоначальная квалификация преступления как обычного убийства, а не как убийства из корыстных побуждений, была неправильной и позволила следствию обойти требование обязательного юридического представительства. Суд указывает, что он изучал подобные заявления в некоторых делах против Украины, где обстоятельства давали наводило на сильное подозрение о наличии скрытой цели при первоначальной квалификации преступления, а заявители были по сути лишены возможности получить надлежащую правовую помощь, благодаря тому, как следователь использовал свои полномочия в отношении квалификации преступления (см. *Yaromenko v. Ukraine* выше, §§ 87 и 88; и *Leonid Lazarenko v. Ukraine*, no. 22313/04, § 54, 28 October 2010). Также, как и в упомянутых делах, в настоящем деле власти имели информацию, включая признательные показания заявителя (см. § 9 выше), о том, что убийство г-на Т. было сопряжено с кражей денег и драгоценностей. Несмотря на это, на основании признательных показаний от 12 мая 1998 года заявитель был обвинен в совершении простого убийства, и только два месяца спустя следователь переквалифицировал обвинение заявителя на убийство с корыстных побуждений, которое предусматривало обязательное участие адвоката в деле. В связи с этим, Суд опять выражает свою обеспокоенность еще одним примером этого злоупотребления, при котором, несмотря на то, что заявитель был изначально задержан по подозрению в совершении более тяжкого преступления, органы следствия позднее «искусственно» занизили степень тяжести обвинения, чтобы квалифицировать его по статье Уголовного кодекса, которая не

предусматривает обязательное предоставление адвоката подозреваемому.

41. На основании выше изложенного, Суд приходит к заключению, что в данном случае была нарушена статья 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции.

В. Допрос свидетелей

42. Заявитель утверждал, что следствие несколько раз меняло оценочное время убийства, что требовало вызова свидетелей, которые могли бы дать показания о том, что видели заявителя в другом месте в соответствующее время.

43. Правительство утверждало, материалы дела не содержат никакой информации о требованиях заявителя вызвать этих свидетелей. Более того, его жалобы по поводу отказа вызвать в суд свидетелей была изучена Верховным Судом, который не нашел такой отказ основанием для отмены приговора, обосновывая это тем, что показания данных свидетелей не опровергают факт совершения убийства заявителем. Правительство считало, что заявителем не были предоставлены доказательства того, что показания этих свидетелей были необходимыми для подтверждения его невиновности и установления истины по делу.

44. Суд повторяет, что все доказательства должны обычно предоставляться в открытом судебном заседании, в присутствии обвиняемого, с целью предоставить возможность для обмена доводами. Существуют исключения из этого принципа, но они не должны нарушать право на защиту. Может оказаться необходимым использовать в определенных обстоятельствах показания, полученные на стадии следствия. Если обвиняемому предоставлена адекватная и надлежащая возможность оспорить такие показания сразу после их получения или на более поздней стадии, допущение их в качестве доказательств не противоречит положениям статьи 6 §§ 1 и 3(d). Однако, как следствие, осуждение обвиняемого не может основываться исключительно или в решающей степени на показаниях, которые сторона защиты не имела возможности оспорить (см. *Zhoglo*, цит. выше, §§ 38-40 с дальнейшими ссылками).

45. Суд отмечает, что в настоящем деле некоторые свидетели не были допрошены судом и заявитель не имел очной ставки с ними; однако, Верховный Суд в своем решении пришел к выводу, что показания этих вышеупомянутых свидетелей не имели решающего значения для выводов нижестоящих судов (см. § 25 выше). Также из обстоятельств дела не видно, что эти свидетели могли составить алиби заявителю, поскольку они видели заявителя только эпизодически и всегда возле места совершения преступления, так как заявитель и жертва проживали в одном доме (см. §§ 7 и 24 выше). Следовательно,

Суд не убежден, что отказ национальных судов допросить свидетелей, на которых указывал заявитель, являлся достаточно значительным, чтобы сказаться на результате уголовного процесса. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 3(a) и 4 Конвенции.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

46. Заявитель также жаловался по статье 3 Конвенции на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции и отсутствие расследования по поводу плохого обращения. Ссылаясь на статью 5 § 1 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей было незаконным и произвольным. Также он жаловался на нарушения статьи 6 §§ 1 и 2 Конвенции, которые выражались в том, что его дело было незаконно передано в Сумской областной суд, который не имел соответствующей территориальной юрисдикции по этому делу; следствие скрыло важные части доказательств; на суды оказывалось давление; разбирательство по делу было чрезмерно долгим.

47. Внимательно изучив утверждения заявителя в свете всего материала, предоставленного на его рассмотрение, Суд находит, что они не обнаруживают никаких нарушений прав и свобод, предусмотренных Конвенцией. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть признана неприемлемой в соответствии со статьей 35 §§ 1, 3(a) и 4 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

48. Прежде чем рассмотреть требования заявителя о справедливом возмещении, выдвинутые им согласно статье 41 Конвенции и касающиеся обстоятельств дела, Суд находит необходимым определить, какие следствия могут вытекать из статьи 46 Конвенции для государства-ответчика. Статья 46 Конвенции предусматривает следующее:

“1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются выполнять окончательные решения Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное решение Суда направляется Комитету Министров, который осуществляет надзор за его исполнением.”

49. Суд повторяет, что статья 46 Конвенции, если толковать ее в свете статьи 1, возлагает на государство-ответчика правовую обязанность предпринять, под контролем Комитета Министров, необходимые общие или индивидуальные меры для обеспечения прав

заявителя, которые Суд признал нарушенными. Такие меры также должны быть предприняты в отношении других лиц, которые находятся в такой же ситуации, как и заявитель, особенно путем решения проблем, которые привели к выводам Суда (см. *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], nos. 39221/98 and 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII; *Christine Goodwin v. the United Kingdom* [GC], no. 28957/95, § 120, ECHR 2002-VI; *Lukenda v. Slovenia*, no. 23032/02, § 94, ECHR 2005-X; and *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], nos. 30562/04 and 30566/04, § 134, ECHR 2008-...). Эту обязанность настойчиво подчеркивал Комитет Министров при контроле за исполнением решений Суда (см, например, ResDH(97)336, IntResDH(99)434, IntResDH(2001)65 and ResDH(2006)1). Теоретически, Суд не должен определять, какие меры возмещения могут быть приняты государством-ответчиком для выполнения его обязанности по статье 46 Конвенции. Однако, Суд заинтересован содействовать быстрому и эффективному устранению недостатков, выявленных в национальной системе защиты прав человека (см. *Driza v. Albania*, no. 33771/02, § 125, ECHR 2007-XII (извлечение)).

50. В настоящем деле Суд установил нарушение статьи 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции в отношении административного ареста заявителя и первоначальной квалификации преступления, в совершении которого он подозревался. Можно сказать, что эти две проблемы периодически повторяются в практике Суда относительно Украины.

51. Практика административного ареста лица с целью получить возможность допросить его в качестве подозреваемого в совершении преступления была раньше признана Судом произвольной с точки зрения статьи 5 Конвенции, поскольку органы власти не обеспечили заявителям процессуальных прав подозреваемого в преступлении (*Doronin v. Ukraine*, no. 16505/02, § 56, 19 February 2009 and *Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine*, no. 1727/04, § 88, 24 June 2010). В деле *Nechiporuk and Yonkalo v. Ukraine* (no. 42310/04, § 264, 21 April 2011) Суд подчеркнул, что формально применив к заявителю административное задержание, а фактически обращаясь с ним как с подозреваемым в совершении преступления, сотрудники милиции лишили его возможности воспользоваться услугами адвоката, участие которого было бы обязательным по украинскому закону, если бы его обвиняли в убийстве, совершенном группой лиц и/или из корыстных побуждений, в преступлении, в отношении которого он на деле допрашивался.

52. Также было установлено, что практика применения первоначальной квалификации преступления как менее серьезного, которое не требует обязательного участия адвоката, применялась так, что заявители на деле лишались возможности получить эффективную правовую помощь, благодаря способу использования следователем его

усмотрения в отношении квалификации расследуемого преступления (см. *Yaremenko v. Ukraine*, цит. выше, §§ 87 и 88; *Leonid Lazarenko v. Ukraine*, цит. выше, § 54; и *Bortnik v. Ukraine*, по. 39582/04, § 45, 27 January 2011).

53. Суд не может предложить конкретные меры, которые необходимо предпринять в этом контексте, но отмечает, что эти проблемы должны быть решены национальными властями, чтобы избежать в будущем подобных жалоб.

54. Это стало практикой Суда, когда при выявлении недостатков национальной правовой системы, он определяет их источник, чтобы помочь Договаривающейся Стороне в поиске надлежащего решения и Комитету Министров в осуществлении надзора над выполнением решений (см., например, *Maria Violeta Lăzărescu v. Romania*, по. 10636/06, § 27, 23 February 2010; *Driza*, выше указанное, §§ 122-126; и *Ürper and Others v. Turkey*, nos. 14526/07, 14747/07, 15022/07, 15737/07, 36137/07, 47245/07, 50371/07, 50372/07 и 54637/07, §§ 51 и 52, 20 October 2009). Учитывая структурный характер проблемы, обнаруженной в данном деле, Суд подчеркивает, что должна быть проведена неотложная реформа законодательства и административной практике, чтобы привести это законодательство и практику в соответствие с выводами Суда в данном решении и с требованиями статьи 6. Суд оставляет за государством, под надзором Комитета Министров, определить наиболее подходящий способ решения этих проблем.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

55. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Вред

56. Заявитель требовал 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

57. Правительство указывало на то, что эти требования являются неподтвержденными и не подтвержденными какими-либо существенными доказательствами.

58. Учитывая вывод в отношении несправедливости национальных разбирательства, в результате которых заявитель был осужден, Суд считает, что для надлежащей защиты прав человека должно быть

проведено повторное судебное разбирательство (возможность которого предусмотрено в украинском законодательстве), если заявитель обратится с такой просьбой. При любом таком разбирательстве должны строго соблюдаться материальные и процессуальные гарантии, закрепленные в статье 6 Конвенции. Такой пересмотр, в принципе, представляет собой подходящий способ компенсации за допущенные нарушения (см. *Nadtochiy v. Ukraine*, по. 7460/03, § 55, 15 May 2008). На этих основаниях, Суд находит, что признание нарушений само по себе является достаточно справедливой сатисфакцией.

В. Судебные расходы и издержки

59. Заявитель также требовал 4 400 евро в качестве компенсации расходов, понесенных им при рассмотрении его жалобы Судом. Он предоставил копию договора, заключенного с г-ном Бущенко 12 февраля 2003 года и копии двух актов выполненных работ: от 20 марта 2003 года на сумму 3 200 евро и от 27 марта 2010 года на сумму 1 200 евро. Оба акта относились к договору о юридической помощи.

60. Правительство не согласилось с этим, поставив под сомнение подлинность предоставленных документов, в которых были установлены разные суммы и даты правовой помощи не соответствовали другим документам, касающимся предоставления заявителю правовой помощи.

61. В свете материалов, имеющихся в его распоряжении, а также замечаний сторон, Суд считает, что документы, предоставленные заявителем в подтверждение его требований о возмещении расходов и издержек, ненадежны и на этом основании отклоняет требования заявителя по этому поводу.

С. Пеня

62. Суд считает разумным, чтобы пеня основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет*, что жалоба заявителя по статье 6 §§ 1 и 3 Конвенции на то, что он был осужден на основании избличающих показаний, полученных в результате нарушения его права хранить молчание и

привилегии от самоизобличения, и что он был лишен возможности осуществить свое право на защиту во время допроса на начальной стадии расследования, является приемлемой, а остальные жалобы – неприемлемыми;

2. *Постановляет*, что была нарушена статья 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции в отношении права заявителя на защиту и привилегий против самоизобличения;
3. *Постановляет*, установление нарушения само по себе является достаточной и справедливой сатисфакцией за причиненный заявителю моральный вред;
4. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливом возмещении.

Составлено на английском языке и объявлено в письменном виде 3 ноября 2011 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудиа Вестердик
Секретарь Секции

Дин Шпильманн
Председатель